

Р.М. ТУРАРБЕКОВА

ГЕОПОЛИТИКА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ТЕОРИЯ ПОГРАНИЧЬЯ

Предлагается новый подход при изучении геополитики Центрально-Азиатского региона с позиций одного из направлений новой гуманистики - теории Пограничья. Анализ международного положения региона позволяет сделать вывод о геополитической самодостаточности центральноазиатских стран в долго-срочной перспективе.

The region of Central Asia is treated from the point of view of the borderland theory - a trend of new humanities. The analysis of the regional international situation makes it possible to draw the conclusion about geopolitical self-sufficiency of Central-Asian countries in the long-term perspective.

Центральная Азия представляется как регион глубоко континентальный (отсюда и название - Центральная), что вряд ли может ассоциироваться с Пограничьем*. Однако именно эта территория отличается высокой плотностью границ на пространстве, которое внешне воспринимается как единый регион. Границы в данном случае имеют разный характер: геополитический, культурный, хозяйственный и политический. Регион является уникальным по сочетанию таких пограничных характеристик, как способ хозяйствования (земледельческий/кочевой), организация и типов экономики (плановая/рыночная и аграрно/индустриальная), политических режимов (протодемократические/жесткоавторитарные), расовые (европеиды/монголоиды), этнолингвистические (тюрко/славяно/ираноязычные), конфессиональные мусульмано/христианские), духовные (секулярно/религиозные) и, наконец, геополитические (Россия-КНР-США-исламский мир). Указанная совокупность границ в той или иной мере изучается историками, политологами, экономистами, антропологами, лингвистами и философами.

Используя такие традиционные парадигмы, как модернизм, геополитический и цивилизационный подходы, исследователи раскрывают только часть картины, но ее полнота пока остается за завесой методологических ограничений. В рамках данной статьи предлагается всего лишь один из многих способов более глубокого изучения Центральной Азии.

В последние годы исследования Пограничья и теория Пограничья, получившие определенное признание и распространение, пока еще не использовались на центральноазиатском материале. Локальные истории, как уже отмечалось одним из главных «идеологов» теории Пограничья В. Миньолой, были всегда подчинены «глобальному дизайну»¹. И в этом отношении локальная история Центральной Азии в рамках всеобщей истории традиционно интерпретировалась как история «отсталой периферии» и все происходящие события имели свое место и значение в рамках истории, будь то исламского мира или европейских колониальных завоеваний и модернизаций, уже не говоря о хрониках китайских династий. Впоследствии по мере

* Термин *пограничье* определенным образом характеризует топик пространства: пограничье - это пространство, прилегающее к границе. Соединенное и связанное границей пространство, для которого именно граница является организующим принципом, сущностью и центром притяжения. Подробнее см.: Бобков И. Этика Пограничья: транскультурность как белорусский опыт // Перекрестки. 2005. № 4-5. С. 127-137.

включения региона в состав Российской империи и Советского Союза ее история в большей мере относилась к эпохе социалистической модернизации (восточного варианта европейского модернизма). И даже распад СССР не изменил такое положение Центральной Азии в «глобальном дизайне». Напротив, начавшееся строительство «национальных» государств и переход к рыночной экономике стали своеобразным возвратом к некоему «чистому образу современности».

Цель статьи - обозначить регион как уникальный, в котором сплетаются границы всех возможных представлений о том, какими могут быть отношения региона с внешним миром, сделав акцент на геополитическом компоненте.

При анализе положения постсоветских республик как пограничья может возникнуть ошибка методологического характера: смешивание состояний «пограничности» и «переходности», что влечет неясность в вопросе спецификации исследований пограничья в отличие от транзитивных. Самым ярким критерием определения пограничья можно считать наличие постоянных характеристик, на которые фактор времени влияет незначительно. Проблема дифференциации характеристик переходного периода и пограничного «статуса» может отчасти решаться весьма традиционным историческим подходом. Так, можно говорить о переходе от колониальной зависимости к постколониальной, но при этом игроки могут быть теми же. Например, во второй половине XIX в., когда борьба за территорию Центральной Азии велась между Великобританией и Россией. При этом заинтересованность проявляли также Китай, Турция и в целом мусульманский Восток. Однако в тот период азиатские страны были значительно ослаблены политически и экономически, чтобы включиться в полноправное соперничество с европейскими колониальными державами. Тем не менее оказывалось сопротивление расширению их влияния. Спустя почти 150 лет Китай и страны исламского мира, воспользовавшись распадом СССР, приняли активное участие в новой «великой шахматной игре». Правда, в XXI ст. часть традиционных игроков сменилась. Сегодня США в полной мере заняли место Великобритании.

Принципиальное отличие современной ситуации в том, что Центральная Азия имеет собственную правосубъектность в международных отношениях, и вряд ли это сравнимо со статусом таких государственных образований XIX в., как Кокандское ханство или Бухарский эмират, и не потому, что эти страны имели меньшую независимость, а скорее в связи с возможностью их поглощения вследствие большой колониальной «гонки» того времени.

В настоящее время сложившаяся система международных отношений не позволяет с легкостью захватывать территории и народы, как это было в истории колониальных войн. Поэтому к традиционным игрокам в рассматриваемом регионе «присоединились» центральноазиатские республики. Слабость новых государственных образований в регионе позволила говорить о «вакууме силы» (термин, взятый из геополитических концепций). Такое широко распространенное представление о некоем вакууме позволило ряду специалистов-международников писать о геополитическом соперничестве, при этом явно руководствуясь собственной политической ангажированностью, что в большей мере относится к ряду известных российских и американских исследователей, которые считают регион источником угрозы, а государства Центральной Азии - слабыми политическими образованиями; их выводы отличаются только оценкой роли США и России на данной территории². Такое положение вещей стало настолько очевидным, что появились работы, специально посвященные проблеме политической конъюнктуры и стереотипам³. Необходимо отметить, что такие российские авторы, как В. Голунов, И. Звягельская и А. Макаров, критично оценивая подобный подход, способствуют некоей демифологизации того, что представляет из себя

регион. Потребность в демифологизации новейшей истории Центральной Азии отразилась и в нашумевшей статье известного американского специалиста по Центральной Азии Марты Брилл Олкотт, ее работа так и называлась - «Двенадцать мифов о Центральной Азии»⁴. Сказанное выше позволяет предположить, что созданный совсем недавно образ Центральной Азии уже нуждается в ревизии, и подобная ревизия требует новых методологических подходов, отличных от геополитического и примыкающего к нему классического реализма.

Дискурс реалистов и геополитиков, подвергающийся все большей критике, дал отчасти ответ на то, почему этот регион может считаться пограничным. В известной статье В. Цымбурского «Народы между цивилизациями» рассматриваемое нами пространство описывается как межцивилизационное и характеризуется как относительно этнически гомогенная зона, в которой границы пролегают между разными типами хозяйствования, и его разделение возможно по принципу вводимой письменности. В течение XX в. здесь поочередно менялась письменность от арабской через латиницу к кириллице и снова к актуализации латиницы. Полемизируя с С. Хантингтоном и в определенной степени вторя ему, В. Цымбурский определяет центральноазиатские народы как «зависшие» между ареалами кириллицы и арабской письменности, между Россией и «коренным» исламским Югом. Если транслировать данное положение на предлагаемую проблематику, то следует отметить, что речь идет о пограничном состоянии между недавним атеистическим прошлым и современной Россией как носителем скорее секулярных ценностей и исламским миром с традиционно сильной ролью религии.

Традиционные дискурсы - геополитический и цивилизационный - дают возможность описать изучаемое пространство как полное взаимодействие самых разных сил не только в пространственном, но и во временном значении: метания элит региона от одной письменности к другой, усиление влияния России на севере Центральной Азии и соответственно исламского мира на юге, но при этом учитывался факт сомнительной гегемонии какого-либо актора, так как, по мнению В. Цымбурского, народы региона несут в себе разные знаки межцивилизационности. Так, ираноязычные таджики не тяготеют с той же силой к Турции, как остальные четыре тюркоязычные страны. С другой стороны, несмотря на близость Ирана, его шиитская «исключительность» в определенной степени служит препятствием для установления влияния над суннитской Центральной Азией. Данное заключение подтверждается исламоведами и специалистами в области международных отношений. В частности, российские авторы С.Б. Дружиловский и В.В. Хуторская отмечают, что претензии крупных мусульманских стран (таких как Турция и Иран) на лидерство в регионе не были оправданы. В целом, по их мнению, им так и не удалось заменить Россию⁷.

Подобные выводы могут быть отнесены к Китаю, отношения с которым складывались непросто. Китай, несмотря на длительный исторический контакт с народами Центральной Азии, не является культурно-цивилизационным центром для населения региона. Положение дел вокруг Синь-Цзяня является серьезным аргументом для такого утверждения. Территория данной северо-западной провинции Китая населена тюркоязычными народами и по этническому составу схожа с составом народов Центральной Азии. Здесь проживают такие этносы, как уйгуры, таджики, узбеки и казахи. Основой для их объединения является религия - ислам. Еще с 70-х гг. XIX в. угроза отторжения северо-западной части страны беспокоит Пекин. На протяжении всего XX ст. этот вызов китайскому государству заставлял его акцентировать внимание на западных границах. Когда в начале 1990-х гг. было образовано пять центральноазиатских республик, данное

событие стало поводом для беспокойства, так как тогда часть этнических меньшинств северо-западной провинции Китая (казахи, узбеки, таджики) обрели свою государственность. Поэтому проблема сепаратизма стала главной на переговорах с правительствами новых государственных образований в регионе*.

Известные российские специалисты при анализе китайского фактора в Центральной Азии обращаются к вопросам традиционного китаецентричного видения мира, в котором место региона не просто на границе, а в пределах китайского суверенитета». На официальном уровне КНР признает все пять центральноазиатских государств, даже существуют соглашения по демаркации государственной границы, и Пекин выступает в роли определенного гаранта независимости этих республик, но в работах китайских ученых и публицистов присутствует положение об «исторических» китайских землях в «Западном Туркестане»¹⁰. Поэтому роль Китая как главного «патрона» региона достаточно сомнительна.

Определенное ограничение влияния США на рассматриваемой нами территории обусловлено, с одной стороны, удаленностью Центральной Азии от границ американского государства плюс глубокой континентальностью, с другой - наличием сильных соперников в этой части мира - России и Китая. Несмотря на серьезное экономическое и военное присутствие (в рамках различных проектов относительно каспийских энергоресурсов) в Афганистане, Кыргызстане и Узбекистане, политика США находится на втором плане для Вашингтона по сравнению с его действиями на Ближнем и Среднем Востоке или, предположим, в Юго-Восточной Азии. Однако неопределенность в вопросе о сроках ликвидации американских баз в Центральной Азии и ухода из Афганистана позволяет российским экспертам предположить, что Вашингтон имеет далеко идущие цели вплоть до прихода марионеточных «проамериканских правительств» и создания нового «проамериканского альянса»¹¹.

Однако некоторые факты указывают на то, что роль США в регионе увеличена. Конфликт между официальным Бишкеком и региональными элитами, разразившийся вокруг вопроса о демаркации государственной границы между КНР и Кыргызстаном, не стал поводом для вмешательства Американской администрации¹². Линия поведения США в этом регионе свидетельствует скорее о доле участия, нежели чем о гегемонистских устремлениях. Смена правительства в Бишкеке не изменила внешнеполитические приоритеты.

Самой противоречивой является роль России в Центральной Азии. Существует ряд факторов, которые обуславливают ее сильные позиции: во-первых, это наличие русскоязычного меньшинства. В таких странах, как Казахстан и Кыргызстан, численность русских составляет от 30 до 12 % соответственно. Немаловажным является тот факт, что, как правило, Россия воспринимается как защитница интересов конфессиональной группы (условно маркируемой - православные). Данные по конфессиональному признаку отличаются, так как в нее входят кроме собственно этнически русских еще украинцы и белорусы. В целом в Казахстане такая группа насчитывает 44 %, а в Кыргызстане - 20 %. Существенное значение, кроме того, продолжает иметь русский язык, который кроме правового статуса (международного общения или официального языка) обладает статусом информационным. В его рамках русскоязычные СМИ Центральной Азии и российские существенно влияют на усиление роли своего государства-патрона.

* Например, в работе казахстанского министра иностранных дел К. Токаева «Под стягом независимости: Очерки о внешней политике Казахстана», опубликованной в г. Алматы в 1997 г., отмечалось, что китайское руководство в начале 1990-х гг. было явно обеспокоено возможным ростом националистических тенденций, имея в виду Синь-Цзянь.

Помимо вышесказанного, русский язык является одним из языков в системе образования. Наличие русских школ и русских отделений в высших учебных заведениях способствует поддержанию российского влияния в таких республиках, как Казахстан и Кыргызстан. Технологическая база хозяйств республик во многом содержится в первую очередь за счет советских и российских технических средств.

Экономическое присутствие российского капитала можно оценивать как значительное. Оно проявляется не только в участии (или, напротив, в неучастии) в различных нефтегазотранспортных проектах, но и в обладании частью крупных производственных комплексов на территории центрально-азиатских республик. Одной из самых противоречивых областей во взаимоотношениях стран региона и России является военно-политическая сфера: с одной стороны, наличие российских военных баз в Таджикистане и Кыргызстане указывает на теснейшее взаимодействие этих стран; с другой - наличие американских баз ставит вопрос о «военной монополии» РФ в этом регионе. Самым прочным продолжает оставаться сотрудничество со странами, входящими в Организацию Договора о коллективной безопасности. Отметим также исторический фактор, являющийся также важным в удержании Центральной Азии в орбите интересов РФ. Бывшая часть империи и бывшая часть Советского Союза - Центральная Азия еще длительное время у значительной части российской элиты будет восприниматься как органическое продолжение российского пространства. Ресурсный же потенциал РФ таков, что обеспечить себе прошлое влияние стало невозможно. И этот разрыв между желаемым и реальным порождает противоречивость действий и заявлений российского руководства вот уже на протяжении 15 лет.

Безусловно, роль России в Центральной Азии (как никакая другая тема) требует глубокого специального исследования, и все, о чем говорилось выше, - только контуры предмета изучения, изложенные в данной статье. Тем не менее они позволяют сделать вывод о том, что роль России приобретает значение «первого среди равных» из рассматриваемого ряда игроков.

Отметим, что краткий обзор состояния *пограничности* Центральной Азии в поле между исламским миром, Китаем, США и Россией позволяет прийти к заключению, что ни одна из этих сторон не может в полной мере исторически, культурно, а, возможно, при таком раскладе сил и политически, стать несомненным «патроном» региона. В настоящее время это междумирье и есть та постоянная переменная, которая характерна для Центральной Азии.

¹ См.: Миньоло В. Оксидентализм, колониальность и подчиненная рациональность с префиксом «пост» // Перекрестки. 2004. № 1-2. С. 161-197.

² Бжезинский З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы. М., 1998; Дугин А. Основы геополитики, <http://arctogaia.com/public/osnovygeo>; Коэн А. США. Страны Центральной Азии и Кавказа: проблемы и перспективы взаимоотношений // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 2. С. 29-45; Нарочницкая Н. Внешняя политика России // Кентавр. 1993. № 4. С. 29-36; Starr F. Making Eurasia Stable // Foreign Affairs. 1996. Vol. 75. № 1. P. 80-92.

³ См.: Голунов С. Вопросы безопасности в современных центральноазиатских исследованиях в России и США: политическая конъюнктура и стереотипы // Безопасность постсоветского пространства и стереотипы: Сб. ст. Волгоград, 2003. Вып. 2. С. 95-115; Звягельская И.Д., Макаров Д.В. Восприятие Россией политики Запада в Центральной Азии // Южный фланг СНГ: Центральная Азия - Каспий - Кавказ: возможности и вызовы для России / Под ред. М.М. Наринского. М., 2003. С. 103-128.

⁴ См.: Олкотт М.Б. Двенадцать мифов о Центральной Азии (возвращаясь к написанному) // Рабочие материалы Московского Центра Карнеги. 2001. № 2. С. 3-25.

⁵ Цымбурский В. Народы между цивилизациями // Pro et Contra. 1997. Т. 2. №3. С. 173-197.

⁶ См.: Там же.

⁷ Дружиловский С.Б., Хуторская В.В. Политика Ирана и Турции в регионе Центральной Азии и Закавказья // Южный фланг СНГ... С. 219-246.

⁸ См.: Воскресенский А.Д., Лузянин С.Г. Китайский и российский факторы в Центральной Азии: традиционные вызовы и новые возможности // Северо-Восточная и Цен-

тральная Азия: динамика международных и межрегиональных взаимодействий: Учеб. пособие / Под ред. А.Д. Воскресенского. М., 2004. С. 390.

⁹См.: Корсун В.А. Дипломатия КНР в борьбе за постсоветское наследство в Центральной Азии // Северо-Восточная и Центральная Азия... С. 410.

¹⁰См.: Воскресенский А.Д., Лузянин С.Г. Указ. соч. С. 395.

¹¹См.: Барабанов О.Н. Политика США в Центральной Азии и Закавказье // Южный фланг СНГ... 346 с.

¹²См.: Турарбекова Р.М. Антитеррористическая операция в Афганистане: военно-политическое сотрудничество стран - членов НАТО и центральноазиатских государств. НАТО и европейская безопасность в XXI веке: Материалы междунар. семинара, Минск, 27-28 июня 2002 г. Мн., 2003. С. 90-94.

Поступила в редакцию 19.05.05.

Роза Маратовна Турарбекова - кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений.